

Бурова Мария Леонидовна

**ТРАВЕЛОГ ФИЛОСОФА В РОМАНЕ Г. УЭЛЛСА "ВОЙНА МИРОВ"**

Статья раскрывает хронологию и топику романа Г. Уэллса "Война миров" как совокупность путешествий и встреч, рассматриваются многозначность концепта "мир" (мир в целом и как целое, бог и мир, пространство, время, движение, космос, цивилизация, эволюция, антропоцентризм, "жизненный мир") и оппозиция земного и внеземного. Сопоставляются объективное научно-рациональное описание и феноменологическое переживание событий, с учетом изменения мировоззрения героя делается попытка анализа его экзистенциального восхождения.

Адрес статьи: [www.gramota.net/materials/3/2015/3-1/13.html](http://www.gramota.net/materials/3/2015/3-1/13.html)

Источник

**Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики**

Тамбов: Грамота, 2015. № 3 (53): в 3-х ч. Ч. I. С. 65-69. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: [www.gramota.net/editions/3.html](http://www.gramota.net/editions/3.html)

Содержание данного номера журнала: [www.gramota.net/materials/3/2015/3-1/](http://www.gramota.net/materials/3/2015/3-1/)

**© Издательство "Грамота"**

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: [www.gramota.net](http://www.gramota.net)

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: [hist@gramota.net](mailto:hist@gramota.net)

УДК 17:821.111:82-312

**Философские науки**

*Статья раскрывает хронологию и топичу романа Г. Уэллса «Война миров» как совокупность путешествий и встреч, рассматриваются многозначность концепта «мир» (мир в целом и как целое, бог и мир, пространство, время, движение, космос, цивилизация, эволюция, антропоцентризм, «жизненный мир») и оппозиция земного и внеземного. Сопоставляются объективное научно-рациональное описание и феноменологическое переживание событий, с учетом изменения мировоззрения героя делается попытка анализа его экзистенциального восхождения.*

*Ключевые слова и фразы:* путешествие; множество миров; рациональность; переживание; страх.

**Бурова Мария Леонидовна**, к. филос. н., доцент

Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения  
marburova@yandex.ru

**ТРАВЕЛОГ ФИЛОСОФА В РОМАНЕ Г. УЭЛЛСА «ВОЙНА МИРОВ»**

Описание путешествий как жанр имеет давнюю традицию в литературе. В многочисленных одиссеях, хрониках, паломничествах и утопиях так или иначе звучит тема реального или вымышленного путешествия. Практически в любом романе, поэме есть путешествующие персонажи, с их страданиями-странствиями, побегами или уходами в иные земли и миры. Комический, сатирический, сентиментальный и иной характер приключениям придают скорее писатели, склонные к назидательности, просветительству, романтизму, чем их герои. В дневниках и мемуарах, авторы и рассказчики которых являются реальными лицами, видно стремление гармонично сочетать объективные (исторические и научные) описания и субъективные переживания, означать свое присутствие, но, несмотря на свою достоверность, теоретические и даже философские обобщения, они не всегда имеют художественное достоинство. Пожалуй, только у романтиков можно встретить единство чувства и интеллекта, повествования и переживания, познания мира и самопознания.

В английской литературе тема путешествия занимает особое место. Вспомним характеристику Англии, данную Г. Д. Гачевым, как острова-корабля, где человеку приходится действовать [1, с. 163], трудиться, бороться и путешествовать, осваивая стихию земли и воды. Это путешествие по земле и воде, гораздо реже под землей, а путешествие по воздуху относится к области сказки. Но именно испарения сырого воздуха, населенного духами и призраками, фантазиями и утопиями, конденсируются, по мнению Гачева, в искусстве, науке, в литературе, в том числе – в фантастике Г. Уэллса [Там же, с. 170]. Космос Англии у Гачева есть метафора гармонии, строя мира [Там же, с. 128]. А космос Уэллса реален – это огромное пространство солнечной системы с противостоянием планет согласно принципу всемирного тяготения, возникшее и эволюционирующее в сторону неизбежного остывания.

В романе Г. Уэллса не герой отправляется в иное место, другой мир, а представители другого мира оказываются рядом с людьми. Появление на Земле путешествующих философов-исследователей с огромных дальних планет мы можем вспомнить в повести Вольтера, Микромегас, пронизанной гиперболами и иронией над человеческим тщеславием, полной намеков на реальные события. Эти гигантские путешественники не представляли опасности, которая могла происходить лишь от космических странниц-комет, упавших на землю. Космическая тема и идеи катастрофизма Ж. Кювье прослеживаются в некоторых произведениях фантастического жанра первой половины XIX в. («Ученое путешествие на Медвежий остров О. И. Сенковского, 4338-й год. Петербургские письма» В. Ф. Одоевского, «Тьма» Дж. Байрона). Уэллс рисует нам картину локального бедствия, ограниченного в пространстве и времени, но которое могло бы оказаться катастрофой для человечества.

Прибывшие марсиане разумны, но не добродушны, их цели – не беседа о природе души, а необходимый захват жизненного пространства для продолжения существования: «...через бездну пространства на Землю смотрели глазами, полными зависти, существа с высокоразвитым, холодным, бесчувственным интеллектом...» [6, с. 246]. Важно, что герой романа и рассказчик – философ-моралист, не обыватель и даже не врач, и не ученый, а значит, его впечатления должны подниматься до определенного рода обобщений. Как говорит о себе герой: «Наверное, я человек особого склада и мои ощущения не совсем обычны. Иногда я страдаю от странного чувства отчужденности от самого себя и от окружающего мира. Я как бы извне наблюдаю за всем, откуда-то издалека, вне времени, вне пространства, вне житейской борьбы с трагедиями» [Там же, с. 266]. Со странном любопытством стороннего зрителя наблюдает он за марсианами [Там же, с. 282]. Такая раздвоенность даст нам взгляд сверху и взгляд изнутри событий, воспоминание о пережитом и сами переживания, и присутствие, и отсутствие субъекта.

Еще одна особенность: в романе мы имеем несколько путешествий. Это нисхождение, катабасис марсиан; путешествие-хождение самого героя и исход лондонцев, в рассказах о которых можно выделить несколько планов, постоянно смещающих друг друга. Ритм, характер и язык описания постоянно меняются в зависимости от предмета, ведь скорость перемещения (и сообщения о нем) подразумевает отношение пространства и времени, но этой внешней форме соответствует и различное философское содержание.

Начнем с путешествия марсиан. Противостояние планет 12 августа, полночь, 40 миллионов миль пустоты, первая вспышка пламени и полет первого снаряда через мрак. 13 августа – первое ночное наблюдение за небом героя в обсерватории и ученые беседы об обитаемости Марса, вечерние прогулки с женой. Тишина, безмятежность и красота звездного неба, на которое любил смотреть автор. Как много в этом сочетании точности естествоиспытателя и созерцательности философа – не намек ли это на И. Канта? Но наш философ – британец, а для британской модели понимания философии, как отмечает Н. А. Михайлов, нет жесткой границы между естествознанием и философскими, метафизическими вопросами [4, с. 15].

Десять месяцев спустя, в июне – падение первого снаряда вблизи Уокинга (десять запусков и десять упавших снарядов, место каждого падения географически привязано) и выход марсиан наружу. Каждый час опять же точно указан: около шести утра в пятницу цилиндр обнаружен астрономом, в четверть девятого об этом известно герою, в полдень собирается толпа зевак. В четверть шестого герой пьет чай, на закате марсиане покидают цилиндр, после девяти вечера действие теплового луча и гибель людей, в одиннадцать вечера пустошь оцеплена солдатами. Время как будто замедляется, пространство ограничено радиусом в пять миль. Но к ночи субботы ситуация меняется – марсиане собрали свои треножки и стали быстро удаляться от песочного карьера. И опять точность наблюдателя: при каждой вспышке молнии, непрерывно следующей одна за другой, треножник оказывается на сотню ярдов ближе. Удивительное сочетание дискретности и непрерывности в описании движения наблюдаемого объекта. Воскресенье после полудня – первое военное столкновение у Шеппертона, гибель марсианина и вечером – применение отравляющего газа. Понедельник – марсиане в Лондоне, двое гибнут от атаки миноносца в море. Две недели спустя марсиане погибают. В этом дневнике наблюдателя указаны погодные условия, вводятся допущения и рассматриваются гипотезы, соотносятся показания очевидцев, подробно описывается действие теплового луча на различные материалы, продолжительность и характер действия черного газа.

Взгляд физика дополняется взглядом биолога-эволюциониста. Внешний вид марсиан и функции органов, воздействие на организмы давления и атмосферы, способ питания и размножения, причины смерти учтены и описаны не менее тщательно. Дается и критика иных суждений.

Описание инженера касается средств передвижения марсиан. Помимо цилиндра, используемого для космического полета, по земле марсиане передвигаются на машинах-треножниках, с металлическим звонким ходом, с длинными гибкими блестящими щупальцами, <...> медная крышка вверху поворачивалась в разные стороны, <...> сзади было прикреплено гигантское плетение из какого-то белого металла [6, с. 279]. Но к описанию добавляется и удивление, смешанное с восхищением, ведь эти машины не просто расширяют телесные возможности марсиан, а придают им могущество. Почти одухотворенные механизмы, «удивительно совершенные» – эти характеристики даются не только треножникам, но и многорукой, похожей на паука, со многими суставчатыми рычагами и передаточными щупальцами, ловкой машине, странно похожей на живое существо [Там же, с. 343, 351]. Внеземной, нечеловеческий характер механики подчеркивается отсутствием колеса в машинах.

Суммируя описания, мы видим ученого-рационалиста, защищающего требования классической рациональности: объект как он есть, и объективного знания. И этот последовательный ряд высказываний о фактах порождает уверенность не только в их истинности, но и в истинности самих событий и явлений. Способ описания создает реальность.

В военно-историческом описании сражений отстраненность героя гораздо меньше, он испытывает военную лихорадку и, наблюдая за столкновениями, чувствует любопытство, восторг, ужас.

И, наконец, взгляд на нашествие марсиан философа. Ключевым здесь является понятие мира как целого. Война миров – это столкновение двух отдельных форм бытия со своей историей и логикой существования. Сама идея множества миров включает в себе именно понимание этой отдельности. И в то же время мир – это нечто единое и целостное в себе самом, имеющее единые начала. Для героя-скептика таким началом не может быть Бог. Бог – не страховый агент [Там же, с. 299], а значит, он не гарантирует ни порядка, ни возмещения убытков. Но в то же время премудрый господь создал природу так, что она смогла сопротивляться нашествию. Мы не видим здесь понимание бога как абсолюта, есть лишь понимание его как творческого начала. Основой единства мира в целом оказываются законы эволюции, естественного отбора, то есть природа с ее целесообразностью. Мир как целое постигается рассудочно, через обнаружение внешних противоположностей, мир в целом – или разумом, или интуитивно, через вживание-понимание. Помимо содержательного начала в концепте, мир присутствует образное и ценностное.

Прежде всего, это оппозиция земного и внеземного, выраженная в символике цвета и соотношении стихий.

Цветовая гамма, относящаяся к марсианам мрачна. Серо-бурые туши, металлический блеск машин (отстраненность и холодность), зеленоватое свечение падающих цилиндров и черный газ (зловещее, загадочное, таинственное), белые вспышки теплового луча и как контраст – яркое пламя огня, красная планета – Марс и красная марсианская трава (говорящие об опасности). Красный как цвет пожара усиливается в описании после действий марсиан на земле. Цвета земли – сине-голубое или золотистое закатное небо, зеленые пастбища и рощи, пшеничные поля (цвета жизни и покоя), все это после контакта с марсианским оружием покрывается пеплом или черной пылью. Как отмечают О. С. Шурупова и Е. В. Чудинова, в стандартной английской языковой картине мира красный нередко связан с чем-то весьма опасным... За черным цветом в англосаксонской культуре закрепились такие негативные ассоциации как несчастье, темнота, ночь, зло, ад, смерть, траур, невежество, отчаяние, горе, желание, скорбь, низшие уровни мироздания, зловещие предсказания, первичная материя [7, с. 218-219]. Как видим, цветовой ряд в романе обрастает дополнительными смыслами.

Стихия огня, как космического начала, начиная с античности, противопоставлялась земле, воде и воздуху. Пришедшие из космоса, сверху марсиане, как грозный чистый разум, вооруженный мощной техникой, лишенный эмоций – аллюзия на огонь-логос. Треножники марсиан отсылают нас к треножнику Аполлона. Марсиане с разящим световым лучом могут быть рассмотрены как грозные небожители, а люди, по сути, являются жертвами их агрессии и аппетита. Холмы и реки частично защищают героя от действия огня, лишь воздух, замутненный газом, на время становится союзником марсиан. Таким образом, марсиане представляют собой вертикаль, прорезающую земной мир, создающую на ней хаос.

Земля играет особую роль. Это – горизонталь, поверхность, место обитания людей и граница миров. Поэтому марсиане либо вознесены над ней на треножниках или на летательных машинах, либо обитают ниже этой поверхности – в ямах. На земле они могут быть, только если повержены или мертвы. Герой же наблюдает марсиан снизу, или сверху. Только в двух случаях они совпадают по плоскости: когда герой из окна кабинета на втором этаже наблюдает за передвижением и работой марсиан, и когда он сам оказывается на краю ямы, в кладовой. Из щели герой наблюдает, как, в яме снаружи... марсиане налаживали свою непонятную для нас жизнь [6, с. 360], организуют свой собственный порядок. В угольном погребе (под землей), где герой прячется после убийства священника, совершается и телесный контакт-касание. Но отношение вертикали-горизонталей требует продолжения в виде иерархии живого, где понятия высшего-нижнего находятся в диалектическом взаимопроникновении.

Философия есть вопрошание. Герой-философ постоянно задает себе вопросы: марсиане с их эгоистическим интеллектом, бесполое и лишенные возможности любить, постоянно работающие в молчаливом единстве, передающие мысль без звуков и жестов – это эволюция или атрофия? На расстоянии марсиане передают сигналы, но бессловесная коммуникация предполагает беспонятнейшее мышление. Нет речи, нет и диалога, высказывания себя и понимания другого. Наличие только внешних чувств, дающих информацию о внешнем мире, позволяет анализировать данные, но не оставляет возможности для рефлексии. Их математические и технические знания имеют прикладной характер, что достаточно для создания цивилизации. Значит, у марсиан есть рассудок. У них есть согласованность и взаимопомощь, но есть ли у них представления о морали, о красоте (недописанная статья героя исследовала развитие нравственности в связи с общим развитием цивилизации)? А без этого нет разума как духовного начала и нет культуры. Обладая рассудком, марсиане не обладают полнотой сознания и самосознанием. Они – не личности, а части целого (вспомним про размножение почкованием).

Но и мы можем ошибиться в своем антропоцентризме. Если бы кролик умел мыслить, как бы он оценил наши пищевые привычки, и как оценивают наши технические достижения другие живые существа? Человек привык считать себя центром вселенной, но не является ли он для марсиан чем-то вроде муравья, назойливой пчелы, или иного низшего существа? (Ведь и они способны действовать согласованно). Паническое стадное бегство людей из Лондона, охваченных страхом и отчаянием, герой сводит до хаотического движения черных точек по траекториям дорог и оценивает как начало падения цивилизации [Там же, с. 327]. Точки лишены разума, это просто абстрактные объекты. Возможно ли понимание между обитателями не только разных планет, но и одной, ведь уничтожение людьми животных (и себе подобных), как и уничтожение людей марсианами может быть рассмотрено как проявление единой всеобщности? Но марсиане уничтожают и технические устройства, как бы утверждая победу не только своей формы жизни, но и цивилизации. Все это требует обращения к главному вопросу: что есть человек – существо разумное или безумное, агрессивное или милосердное? И это не праздные вопросы, поскольку герой сам невольно окажется убийцей.

Обратимся к путешествию самого героя. Движение между домом и пустошью с цилиндром в первый день, отъезд в Лэзерхед, чтобы оставить жену в безопасном месте и возвращение домой. Цель последнего – вернуть арендованную повозку трактирщику в соответствии с данным обещанием. То, что герой не склонен давать ложные обещания, напоминает нам требования И. Канта [3, с. 239], но истинный мотив – любопытство. И, наконец, долгий переход, где герой, вместо того, чтобы вернуться к жене (опять же согласно данному ей обещанию и своему долгу), вынужден все более отдаляться от Лэзерхеда в силу обстоятельств, и по дуге двигаться к Лондону, где, наконец, и оказывается. Большая часть времени потрачена не на сам переход, а на пребывание в селении Шин в развалинах. После всех приключений – возвращение домой и встреча с женой. Траектория движения героя опять же привязана к конкретным населенным пунктам и может быть нанесена на карту.

Понятие мира не должно быть рассмотрено только как относящееся к внешнему для человека объекту. Есть и внутренний мир, взятый как целое и в целом. Рассказ о путешествии и есть исследование своего мира, которое обращено не только к возможной аудитории, но и к себе самому. Это познание своего опыта, переживаний и своего сознания, и рассказ о встречах и конфликтах не просто с другими людьми, но с другими, внутренними мирами.

Само описание носит феноменологический характер, что удивительно, ибо в 1898 г., ко времени написания романа, Э. Гуссерль еще не вышел из рамок своих математических и логических идей, и не ввел в философский обиход свои основные понятия. Г. Уэллсу (чьи идеи и выражает герой романа), могли быть знакомы идеи Ф. Брентано и А. Бергсона. Герою свойственны самонаблюдение, а его сознанию – интенциональность (но этих терминов мы в романе не встретим). Экзистенциальные чувства, переживаемые героем, позволяют провести параллели к положениям С. Кьеркегора о стадиях жизненного пути человека, но они вряд ли могли быть ему, как и автору, известны.

В размышлениях и переживаниях героя важное место занимает дом. Дом – островок спокойствия среди хаоса, уцелевший после первых атак марсиан, куда герой возвращается после грозы. Открытое окно кабинета – точка нахождения наблюдателя за разрушениями и действиями марсиан, а затем дом – память о безмятежном прошлом, цель стремления после выздоровления, место встречи с женой и в эпилоге – именно дома героя посещают

призраки и смутные образы былых событий. Дом выступает как ценность. И все же это реальный предмет, хотя и наполняемый различными смыслами. А среди беспредметных переживаний на первом месте стоит страх, наплывающий и уходящий, длительный и краткий. Страх не обязательно имеет причину во внешних обстоятельствах, в этом случае он рационально объясним (, мне стало страшно, потому что...ĭ). Страх может быть спонтанным (просто страшно), безотчетным и непонятным. Страх гонит людей из Лондона, заставляя их проявлять худшие свойства. Под воздействием иррационального страха разум начинает отступать. Страх негативен.

Еще один компонент переживаний – любопытство. Как интерес исследователя или удивление философа, оно рационально и носит положительный характер. В сознании героя постоянно происходит борьба страха и любопытства. Внутренний мир героя предстает как поле битвы рационального и иррационального, что мы видим уже при первой встрече героя с марсианами.

Что же порождает она в сознании героя? Любопытство, отвращение, страх, беспомощность и незащищенность, безотчетный ужас перед мраком и тишиной, герой сравнивает себя с ребенком и игрушкой страшных сил. И вдруг он стряхивает с себя ужас и становится самим собой – обыкновенным скромным горожанином (, обывателемĭ), объясняя это присущей ему резкой сменой настроения. Все кажется сновидением, как только герой оказывается в пределах знакомых звуков и образов, где царит безмятежность. В своем , жизненном мира» (розовый абажур, белая скатерть, серебро, хрусталь и темно-красное вино) (, эстетĭ) он вновь рассудителен и спокоен. Как отмечает О. В. Сарабун, одной из ключевых способностей эстетика , является умение находить в окружающей действительности то, что попадает в рубрику интересного. Знаковым для него являются переживания интереса в отношении к людям, событиям и состояниям природной реальности. ...Повседневность эстетика является комфортной и безопасной для него средой тогда, когда он способен безупречно владеть обстоятельствами, планировать свои действия и мысли, манипулировать ходом мысли окружающихĭ [5, с. 160].

Страх уравнивает, и герой пытается объяснить жене и себе агрессию марсиан тем, что они тоже бояться, обезумели от страха (ведь разумные существа могут вступить в мирное общение) [6, с. 267-268]. Пытаясь понять марсиан, допуская, что разумные существа способны чувствовать и переживать, он ошибается, привычная аналогия не срывается. Марсианская действительность не поддается человеческой логике.

В дальнейшем, несмотря на физические страдания, герой проявляет присутствие духа, решимость и показывает быструю реакцию на события, его основные чувства – раздражение, злость на жену, до которой не добрался, тревога за нее и тоска. Характеризующее героя до появления марсиан любопытство не вытесняется страхом полностью. Опасным для героя становится не столько вынужденное соседство с марсианами, сколько присутствие при этом священника, который характеризуется резко отрицательно. Уже при встрече с ним герой не понимает его отчаяния (отчаяния-слабости, в аспекте идей Кьеркегора) [2, с. 67], ибо сам имеет цель и надежду. Непонимание переходит в неприятие. Рядом со священником, который постепенно сходил с ума от страха, недостатка пищи и замкнутого пространства, наш герой старался сохранить рассудок, но его помутнение неизбежно. Отказ разума есть смерть для философа, гибель души, но не тела, отрицание самого себя. Этот отказ прерывистый и временный, с возвратом способности рассуждать, желанием понять самого себя, с попытками объяснить причины и мотивы своих действий. Герой не отказывается от самого разума, скорее, разум отказывается от него.

Вначале происходит приступ бешенства, приведший к убийству священника, что приближает перспективу смерти, если не от марсиан, то от голода и жажды. Свое состояние в темном убежище в течение следующих пяти дней герой характеризует как крайнее возбуждение, либо тупое безразличие. Позже, размышляя об убийстве, священном под влиянием аффекта (целью было не убийство, а вызванное страхом стремление заставить священника замолчать), он не чувствует раскаяния или вины, поскольку не хотел совершать зло, скорее сожаление о невозможности предвидеть несчастье. Философ-скептик испытывает мистический опыт: , В ночной тишине, во мраке, когда ощущаешь близость божества... я молился всем своим разумом и волей... быть может, и животные по-своему молятся богуĭ [6, с. 363, 364]. Под влиянием молитвы возникает мысль о единстве всего живого и сострадании. , Эта война, по крайней мере, научила нас жалости к тем лишним разумным существам, которые находятся в нашей властиĭ [Там же, с. 364].

Второй раз отступление от рациональных действий происходит при встрече с артиллеристом, обладающим даром убеждения. Под воздействием его риторики наш философ даже не пытается исследовать аргументы, и принимает тезис, что для того, чтобы выжить рядом с марсианами и впоследствии их победить, необходимо спрятаться под землей. (Удивляясь себе, он объясняет смирение собственного разума перед воображением артиллериста пережитым страхом). Устроенный праздник (еда, шампанское и сигары) приводит к новым нелепым и глупым действиям: играм в карты и шахматы. Азарт – еще одно выступление против рассудительности. Лишь ночь и темнота пробуждают в герое , дремлющее сознаниеĭ, он чувствует отвращение к себе за свое безумие, и раскаяние в предательстве человечества [Там же, с. 377]. Вина за неверное времяпрепровождение заставляет его завершить свой переход в Лондоне, чтобы знать наверняка, что с людьми и марсианами.

Но героя ждут еще потрясения. Странный и ужасный вид Лондона, полного трупов и черного пепла, одинокий тоскливый нечеловеческий плач марсианина, внезапно оборвавшийся, мертвые марсиане и надежда на возрождение привычной жизни вновь заставляют его обратиться к богу с благодарной молитвой. Именно тогда герой испытывает сильнейшее отчаяние и чувство утраты былой жизни. Возможно, это , осознанное отчаяние свидетельствует о стремлении человека восстановить потерянную связь с Богомĭ [2, с. 68]. И как награда и успокоение – острый длительный приступ безумия и беспомыслия, потеря себя, что может быть рассмотрено как мнимая смерть и свобода от страха.

Разум вернулся, герой возвращается к жизни. Путь домой омрачен мыслью о возможной гибели жены, и встреча с ней является чудом. Но мир героя не может стать прежним, безмятежным. Ему страшно за будущее своей планеты, страхи-воспоминания и страхи-сомнения постоянно вмешиваются в восприятие окружающего.

Все истинно, потому что пережито. Но ведь не только герой, но и мы вместе с ним переживаем его действия-страдания, ошибки и страхи, сомнения и иллюзии. Его глазами мы видим марсиан, разрушенные города, не как мечту или иллюзию, а как достоверное и реальное. Наблюдение за внешними событиями, самонаблюдение за своими переживаниями, размышления и воспоминания героя позволяют увидеть в романе онтологические, гносеологические и аксиологические вопросы, поставленные и решаемые уже в философии XX в. Это вопросы о бытии человека в мире и месте человека в космосе, отношении сознания к миру, ценности жизни, нравственной ответственности за выбор.

#### Список литературы

1. **Гачев Г. Д.** Национальный мир и национальный ум // Путь. 1994. № 6. С. 128-191.
2. **Зайцева Т. Б.** Категория отчаяния или , болезнь к смерти в философии Серена Кьеркегора // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 11 (25): в 2-х ч. Ч. I. С. 65-68.
3. **Кант И.** Основы метафизики нравственности // Кант И. Сочинения: в 6-ти т. М.: Мысль, 1965. Т. 4. Ч. 1. С. 219-310.
4. **Михайлов Н. А.** Английское Просвещение и журнал *Philosophical Transactions of the Royal Society*. Новая эпоха развития европейской науки // Философские науки. 2014. № 5. С. 9-23.
5. **Сарабун О. В.** Ответственность как момент этического самоосуществления человека в философии Серена Кьеркегора // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 12 (38): в 3-х ч. Ч. I. С. 159-161.
6. **Уэллс Г.** Война миров / пер. М. Зенкевича // Уэллс Г. Машина времени. Человек-невидимка. Война миров. Пища богов. М.: Правда, 1988. 624 с.
7. **Шурупова О. С., Чудинова Е. В.** Цветовая гамма лондонского текста английской литературы // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 11 (29): в 2-х ч. Ч. I. С. 217-219.

#### TRAVELOGUE OF PHILOSOPHER IN NOVEL "WAR OF THE WORLDS" BY H. G. WELLS

**Burova Mariya Leonidovna**, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor  
*Saint-Petersburg State University of Aerospace Instrumentation*  
*marburova@yandex.ru*

The article reveals the chronology and topic of the novel "War of the Worlds" by H. G. Wells as the collection of travels and meetings; considers the polysemy of the concept "world" (the world in the whole and as a whole, the god and the world, space, time, movement, outer space, civilization, evolution, anthropocentrism "life-world") and the opposition of terrestrial and extraterrestrial. Objective scientific-rational description and phenomenological experience of events are compared, and taking into account changes in the hero's attitudes attempts to analyze his existential rise are undertaken.

*Key words and phrases:* travel; multitude of worlds; rationality; experience; fear.

УДК 94(47).084.3

#### Исторические науки и археология

*В статье рассматривается опыт осмысления историографией периода «перестройки» (1985-1991 гг.) проблем эффективности труда в годы нэпа. Подвергнуты анализу работы Ю. М. Голанда, М. М. Горинова, В. П. Дмитренко, В. А. Козлова, В. Е. Маневича, Л. Е. Тропаревской, С. С. Хромова, С. В. Цакунова. Автор указывает на то, что в годы «перестройки» началось исследование проблем нэпа с позиций «альтернатив», «человеческого фактора», «кризисов» этой политики. В русле данных подходов также изучались проблемы эффективности труда на промышленных предприятиях.*

*Ключевые слова и фразы:* заработная плата; нэп; производительность труда; трудовая дисциплина; хозяйственный расчет.

**Володин Сергей Филиппович**, к.и.н., доцент  
*Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого*  
*volodin93@yandex.ru*

#### ИСТОРИОГРАФИЯ ПЕРИОДА «ПЕРЕСТРОЙКИ» (1985-1991 ГГ.) ОБ ЭФФЕКТИВНОСТИ ТРУДА В НЭПОВСКОЙ ЭКОНОМИКЕ

Обсуждение проблем нэпа в годы перестройки имело многослойный характер. И дело здесь заключалось не только в том, что одни хвалили нэп за быстрое восстановление народного хозяйства, а другие указывали на внутренние противоречия нэпа, как об этом написала Ю. В. Смирнова [9]. Суть вопроса, как представляется,